

А.А. Честав

**«ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ» НАРРАТИВ
В СТИХОТВОРЕНИИ Н.С. ГУМИЛЕВА «СОН АДАМА».
СТАТЬЯ ВТОРАЯ**

Аннотация

Рассматривается нарративная поэтика стихотворения Н. Гумилева «Сон Адама» как реализация историософских и эсхатологических воззрений поэта на рубеже 1909–1910 гг. Совмещение структурно-семиотического и нарратологического методов позволяет выявить в стихотворении «Сон Адама» нарративную экспликацию обретения человеком бытийного опыта посредством прозрения исторических перспектив тварного мира. Во второй статье аналитически объясняется, что поэтика данного стихотворения демонстрирует соотношение эпической всеохватности исторического бытия человека и лирической погруженности субъекта в антиномичность земного существования. Помещая в центр повествования библейского Адама и репрезентируя его в двух событийных рядах – яви и сновидения, нарратор рассказывает о земном пути человечества в координатах мировой истории – от изгнания Первочеловека из рая до гибельного конца мира. Адам в своем провиденциальном сновидении терпит исторический крах, не обретая конвергентного единства человека и мира, однако сновидчески проживаемая им «история будущего» мыслится опытом стоического принятия результата и перспектив грехопадения. Делается вывод о том, что «провиденциальный» нарратив в «Сне Адама» эксплицирует лиминальный вариант кумулятивной интриги и потому превращается в повествование о мировой инициации человечества, явленного фигурой его библейского прародителя. Ценностно-смысловое единство Адама и гумилевского лирического героя, в котором первый содержит «ген» второго, а второй сознает себя продолжением первого, свидетельствуют о концептуальном характере нарративной организации данного текста. Нарратив в поэтике стихотворения утверждает понимание Н. Гумилевым «адамизма» как мифопоэтической универсалии в предельных масштабах универсума и его исторического движения.

Ключевые слова

Н. Гумилев; адамизм; историософские смыслы; поэтический нарратив; мифопоэтика; повествовательная перспектива; пространство и время; художественная онтология.

A.A. Chevtaev

**“PROVIDENTIAL” NARRATIVE
IN THE POEM “ADAM’S DREAM” BY N.S. GUMILEV.
ARTICLE SECOND**

Abstract

The narrative poetics of N. Gumilev’s poem “Adam’s Dream” is considered as the realization of the poet’s historiosophical and eschatological views at the turn of 1909–1910. The combination of structural-semiotic and narratological methods makes it possible to reveal in the poem “Adam’s Dream” a narrative explication of man’s acquisition of existential experience through insight into the historical prospects of the created world. The second article explains it analytically, that the poetics of this poem demonstrates the correlation between the epic inclusiveness of the historical existence of man and the lyrical immersion of the subject in the antinomy of earthly existence. Placing the biblical Adam in the center of the narrative and representing him in two event series – reality and dreams, the narrator talks about the earthly path of mankind in the coordinates of world history – from the expulsion of the First Man from paradise to the disastrous end of the world. Adam, in his providential dream, suffers a historical collapse without acquiring the convergent unity of man and the world, but the “history of the future” he dreamily lives is thought of as an experience of stoic acceptance of the result and prospects of the fall. It is concluded that the “providential” narrative in “Adam’s Dream” explicates the liminal version of cumulative intrigue and therefore turns into a narrative about the world initiation of humanity, revealed by the figure of its biblical progenitor. The value-semantic unity of Adam and Gumilev’s lyrical hero, in which the first contains the “gene” of the second, and the second recognizes itself as a continuation of the first, indicate the conceptual nature of the narrative organization of this text. The narrative in the poetics of the poem asserts N. Gumilev’s understanding of “adamism” as a mythopoeic universal on the extreme scale of the universe and its historical movement.

Key words

N. Gumilev; adamism; historiosophical meanings; poetical narrative; mythopoeics; narrative perspective; space and time; artistic ontology.

В стихотворении «Сон Адама» Н. Гумилева нарративная репрезентация «сновидческого» опыта героя моделирует провиденциальное прозрение перспектив отпадения человека от эдемской гармонии бытия. «Зловещие сны» [Гумилев 1998, 255], настаивающие Адама в идиллическом бытии райского сада, предстают пророческими проводниками мировой истории и потому очерчивают событийный контур грядущего человеческого существования в тварном универсуме. Выход из первозданной вечности сотворенного мира в онтологически антиномичное время исторической актуализации Адама и его потомков за пределами райской «идиллии» определяет концептуальный вектор поэтической наррации в гумилевском стихотворении.

В данной статье предлагается рассмотрение художественной логики разрывания «провиденциального» нарратива в стихотворении «Сон Адама» как воплощения «адамических» и мифопоэтических представлений Н. Гумилева в период формирования акмеистической концепции творчества. «Сновидческое» узнавание Первочеловеком исторического (собственного и общечеловеческого) будущего и его итогов видится одновременно и маркером

присущего поэту нарративного мышления, то есть стремления постичь бытие посредством экспликации событийных сдвигов и динамики хронотопического полагания «я» в мире, и ценностным горизонтом человеческого самоопределения, достижение которого предполагает «вживание» в широкую парадигму ипостасей и «ролей» его движения в координатах мировой истории. Гумилевский Адам в своем сновидении приобщается к бытию порожденного им человечества во всем многообразии его деяний и мыслей и сущностно исчерпывает это бытие.

Заданная в начале стихотворения повествовательная перспектива изображения погружающегося в сон героя трансформируется в момент экспликации «адамических» снов. Нарратор репрезентирует сновидения, соединяя свой «взгляд» с «точкой зрения» Адама-сновидца. Как известно, представление сна в художественном тексте предполагает акцентирование его границ, в рамках которых изображаемый мир характеризуется «особым временем и пространством», и поэтому литературные «сны персонажей не только раскрывают их внутреннюю жизнь, но и имеют собственный сюжет» [Федунина 2013, 25]. Начальной точкой сновидческого сюжетостроения в гумилевском стихотворении предстает созерцаемое Адамом отпадение его и Евы от божественной гармонии райского сада:

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращей и дубиной искать себе пищи [Гумилев 1998, 255].

Актуализируя перцептивный и идеологический планы «точки зрения» героя, нарратор сохраняет позицию внеаходимости по отношению к повествуемым событиям на уровне нарративного дискурса. Такая организация повествования указывает на «нераздельность и неслиянность» бытийной актуализации лирического субъекта и библейского героя, что обусловлено онтологическим статусом Адама. Будучи Первочеловеком, он мыслится истоком существования всего последующего человечества, а это значит, что родовой «адамический» ген присутствует и в человеческом «я» нарратора. Так как в художественном тексте «основа повествования – точка зрения, оформленная не только текстуально, но и предметно-телесно – обладает формальной выраженностью и занимает определенное пространство в Мироздании» [Баршт 2010, 71], то можно предположить, что место гумилевского повествователя в универсуме соотносимо с хронотопом осуществляемой человеческой истории, который позволяет ретроспективно охватить пройденный исторический маршрут и провиденциально наметить его итоговые перспективы. Поэтому грядущее, сновидчески открывающееся Адаму и отчасти известное повествователю как его далекому потомку, репрезентируется в качестве откровения о земном пути человечества.

Перевод нарративного развертывания сюжета в инореальность сна меняет темпоральный регистр повествования: изначальное прошедшее время рассказа о засыпании героя в саду Эдема сменяется настоящим временем сновидчески проживаемой мировой истории. Синхронизация событий и их представления в нарративе эксплицирует эмоционально-психологическую погруженность ге-

роя в событийный ряд бытия и свидетельствует о своеобразной отрывочности тех ситуаций, которые созерцает и проживает сновидец. Грамматический инвариант «он видит», инициирующий нарративное изложение сна Адама, предопределяет одновременно и провиденциальность сновидческого опыта, и нарушение причинно-следственных связей между событийными свершениями, что обуславливает их представление в качестве фрагментарных «картин» грядущего (своеобразных «квантов» событийности человеческой истории). При этом настоящее время повествования указывает на ценностно-смысловую причастность лирического субъекта репрезентируемым событиям. «Онастоящивание» событийного ряда оказывается нацеленным на ментальное единение нарратора с героем (потомка с прародителем), в результате которого первый стремится онтологически «прожить» известный ему исторический путь совместно со вторым, еще не ведающим перспектив человечества.

Сон Адама открывается «переживанием» изгнания из Рая, тогда как его сущностная причина – греховное вкушение плода с Древа Познания и постижение добра и зла – остается за гранью кругозора героя. Это определяет ментальное смятение Адама, погружающегося в сновидческом нарративе в перипетии человеческой истории: не зная первоисточка событий, герой вынужден экзистенциально осваивать открывающиеся ему антиномии собственного «я» и земного универсума. «Ангельский меч», отсекающий познавшего грех человека от изначальной гармонии тварного мира (ср.: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:24)), обозначает разделение человеческой тварности на вечное и временное (историческое) измерение бытия. Адам в своих «зловещих снах» обнаруживает себя в эпицентре земной истории.

«Сновидческий» нарратив стихотворения представляет библейские события в качестве первоначальных этапов человеческого становления в природно-эмпирическом мире. Повествование о земных свершениях, непосредственно связанных с Адамом (изгнании из Эдема, трудностях устройства земного быта, поиске пропитания, первом соитии с Евой, рождении детей – Каина и Авеля, их взрослении и убийстве первым второго), обнаруживают конкретику изображения и референтное соотношение с Ветхим Заветом. Библейский событийный ряд репрезентируется предельно подробно, потому что «точка зрения» гумилевского нарратора именно он закладывает антиномичность стремлений человека. В свою очередь, выход героя за пределы собственной жизни и «узнавание» себя в потомках становится подлинным знаком грядущего: «И многое видит смущенный Адам: / Он тонет душою в распутстве и неге, / Он ищет спасенья в надежном ковчеге / И строится снова, суров и упрям, / Медлительный пахарь, и воин, и всадник... / Но Бог охраняет его виноградник» [Гумилев 1998, 256]. Познание греховной бездны, Всемирный потоп, Ноево спасение и возрождение человеческого мира предстают обобщенными событийными точками противоречий исторического развития человечества, в которых Адам неизбежно видит собственное первоизданное «я».

Углубляясь в хитросплетения исторических и онтологических исканий человека, Адам обнаруживает многомерность проявлений человеческой личности, порожденной его бытием. В «зловещих» сновидениях Первочеловек видит себя в исторических точках обретения тайного знания («Покорны и тихи, хранят ему книги / Напевы поэтов и тайны религий» [Гумилев 1998, 256]), приобщения к магии («И в ночь волхвований на пышные мхи / К нему для объятий нисходят силфиды, / К услугам его, отомщать за обиды» [Гумилев

1998, 256]), освоения земных пространств («Он любит забавы опасной игры – / Искать в океанах безвестные страны, / Ступать безрассудно на волчьи поляны» [Гумилев 1998, 256]), овладения мастерством художника («Он любит и скрежет стального резца, / Дробящего глыбистый мрамор для статуй» [Гумилев 1998, 256]), молитвенного воззвания к Богу («Устанет – и к небу возводит свой взор, / Слепой и кощунственный взор человека» [Гумилев 1998, 257]). Репрезентируемый опыт исторического бытия в его предельной обобщенности свидетельствует о концептуальных связях Адама и повествователя как семиотической проекции авторского сознания в моделируемый мир. Воитель, жрец, маг, путешественник, художник, являясь ключевыми ипостасями гумилевского лирического героя, здесь сопрягаются с витально-историческим и мифологическим потенциалом Адама, который осознается в качестве первопричины разветвленной системы искателей бытийной гармонии в будущем человечества. Эксплицируемое тождество сновидческого «узнавания» Адамом грядущих инкарнаций его «я» и системы персонализации гумилевского субъекта указывает на лирические коннотации данного поэтического нарратива.

Лирический герой, раскрывающий определенные грани личности поэта в более-менее широком контексте творчества, предстает средоточием смысловых представлений «я» о собственной идентичности в миропорядке, то есть мыслится «субъектом-для-себя» [Бройтман 2008, 114]. Именно семантические «отголоски» гумилевского лирического героя в рассматриваемом стихотворении определяют отношения субъекта-нарратора и библейского персонажа. В сознании Н. Гумилева Адам наделяется статусом «антропологической константы» и «приобретает смысл всеобщего обозначения “человечества”» [Сафиулина 2019, 35]. Поэтому личность гумилевского нарратора, тождественная лирическому герою большинства стихотворений поэта, обнаруживает в Адаме своеобразный «архетип истинного человека (*genus homo*)» [Холл 2005, 288] и сакрализует сны ветхозаветного прародителя в качестве предвидения тварного развития универсума. Соответственно, и нарратор, и герой стихотворения, не являясь формальным воплощением лирического «я», постулируются таковыми на уровне идеологии конструируемого поэтического нарратива.

Провиденциальное видение Адамом человеческого бытия в его духовно-телесной антиномичности по мере продвижения на путях исторического бытия концентрируется на женском начале миропорядка. Любовно-эротическая борьба мужчины и женщины, утверждаемая в поэтике «Жемчугов» (ср.: стихотворения «Варвары» (1908), «Поединок» (1909), «Царица» (1909), «Это было не раз» (1910)), здесь оборачивается извечным столкновением двух разобщенных тварных «я». Ева – как вечная спутница Адама, предстая в разных ипостасях «вечной женственности», видится герою средоточием его жизненных стремлений и земным воплощением недостижимости гармонии «я» и «другого»:

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева – святая, с печалью очей.
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая [Гумилев 1998, 257].

Поединок мужского и женского начал свидетельствует о предельной разобщенности земного универсума и становится кульминационной точкой дви-

жения человеческого «я» в эмпирической реальности земного мира. Неизбывность противоречий, вынуждающих Адама раз за разом вступать в борьбу с мирозданием, определяют онтологическую усталость Адама в координатах «большого времени» мировой истории. Истошение человечества, явленного личностью библейского прародителя, маркирует сюжетно-смысловой поворот нарратива к репрезентации эсхатологической перспективы исторического бытия. Если предшествующий ряд событий, ментально осваиваемых Адамом в его провиденциальном сне, соотносим с уже осуществленной историей человеческого рода, то далее нарратор разворачивает тот событийный горизонт, который сдвинут по оси времени в абсолютное грядущее, а потому является апокалиптическим прорицанием и для повествующего субъекта, и для героя лирического повествования. Историческое время здесь предельно уплотняется и устремляется к точке итога земного бытия:

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слышал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

“Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!” [Гумилев 1998, 258]

Завершения истории, как видно, жаждет сам человек, утомленный необходимостью из века в век утверждать свое «я» в миропорядке. В провиденциальном полагаемом конце времен Адам стремится положить абсолютный предел историческому движению универсума. Смысл истории открывается Адаму как перспектива бытийной опустошенности, то есть в утверждаемой Н. Гумилевым «историософии» результатом развития мира оказывается исчерпанность бытия-во-времени. Желание небытия, постулируемое героем («Рожденный из праха, да буду я прахом!»), эксплицирует лирический характер нарративной поэтики стихотворения. В лирическом высказывании «дистанция между референтной и коммуникативной сторонами высказывания <...> не пространственно-временная (не нарративная), но архитектурная – это дистанция между внутренним и внешним аспектами бытия» [Тюпа 2013, 116]. Именно ценностно-смысловое напряжение между микрокосмом и макрокосмом выдвигается на первый план в текстовом строении «Сна Адама». Конечно, сюжетно-фабульная и хронотопическая организация стихотворения свидетельствует о предельной эпизации картины мира, но при этом концептуальное значение здесь приобретает опыт полагания микрокосма в масштабах макрокосма, что сигнализирует о лирической интериоризации внешнего (бытийно-исторического) мира героем и повествователем.

Молитвенное воззвание Адама не к Богу, а к смерти указывает на утомление героя от жизни и на осознание профанности исторического пути человечества в сакральной данности универсума. Поэтому смерть мыслится подлин-

ным освобождением от «дурной бесконечности» мировой истории. В сновидении Адама его молитва оказывается услышанной, и высшие силы миропорядка кладут конец земному бытию: «И, медленно рея багровым хвостом, / Помчалась к земле голубая комета. / И страшно Адаму, и больно от света, / И рвет ему мозг нескончаемый гром. / Вот огненный смерч перед ним закрутился, / Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился» [Гумилев 1998, 258]. Нарративно развертываемая картина гибели мира предстает актом подлинной инициации героя, тождественного человечеству, соприкасающегося с роковой волей мироздания.

Встреча человека с абсолютной смертью, представленной знаками «голубая комета» и «огненный смерч», становится подлинным событием в сновидческом нарративе Н. Гумилева. Апокалиптические и эсхатологические смыслы повествования здесь восходят к практике средневекового поэтического «визионерства» и «провиденциальным» исканиям европейского романтизма. Так, А.А. Ахматова свидетельствовала, что «Сон Адама» был написан под влиянием романтических поэм Альфреда де Виньи [Лукницкий 1991, 139]. «Визионерская» поэтика стихотворения ставит вопрос о его жанровой природе. Представляется, что нарративность данного текста сопрягается и с балладной, и с поэмой практикой поэтического повествования. Балладные формы лирического высказывания, широко и концептуально представленные в творчестве Н. Гумилева [Куликова 2021, 553–554], здесь концептуализируются в точке роковой встречи героя с инобытием, коим является вся земная история человечества. Тяготение же нарратива к эпическому поиску смысла мировой истории родственно повествовательной модели неканонической поэмы, в которой, по определению С.Н. Бройтмана, герою противостоит мир «нерасчленимых смерти / хаоса и геройского / райского начал», оказывающихся «иномирными по отношению к частному человеку и чреватými для него смертью или возрождением» [Бройтман 2001, 36]. В гумилевском стихотворении инобытийность смерти соотносима и с балладным, и с поэмым вариантом онтологического противовеса жизни.

Гибель мира, в которую повергается сновидческое «я» Адама, маркирована действием апокалиптического «огненного смерча». В мифопоэтических представлениях «огонь», символизируя и разрушительную силу, и очистительно-созидательное обновление бытия, чаще всего обозначает «желание уничтожить время и свести все бытийное на нет» [Кирло 2010, 298]. Думается, что «огненный смерч», проспективно намечающий историософский мистицизм последней книги стихов Н. Гумилева «Огненный столп» (1921), воплощает идеологему освобождения от времени и возвращения в вечность. Однако сам момент гибели Адама в нарративном развертывании сна не изображается. Напротив, именно в этой событийной точке герой пробуждается от провиденциальных сновидений и обнаруживает себя в изначальном хронотопе Эдема:

Направо – сверкает и пенится Тигр,
Налево – зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
“Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!” [Гумилев 1998, 258].

Событие пробуждения обладает двойной релевантностью: для героя оно является возвращением от морока «историософских» перспектив к девствен-

ной чистоте бытийных истоков, а для нарратора – прозрением опыта времени, который сводится к стоическому постижению бытийных свершений земного универсума. Концептуальное построение «Сна Адама» демонстрирует кумулятивную интригу в ее лиминальном проявлении. Как показывает В.И. Тюпа, лиминальная модель нарратива образуется посредством событийной актуализации четырех фаз сюжетного развертывания – обособления, искушения, испытания смертью и преображения [Тюпа 2021, 148–151]. В стихотворении Н. Гумилева эти этапы нарративного осмысления человеческого существования проявляются в трансгрессии яви и сна: обособление Адама свершается в момент его эдемского засыпания «у Древа Познания», искушением становится исторический путь человечества, испытание смерти воплощается в апокалиптическом событии гибели мира, а преображением мыслится пробуждение / возвращение героя в реалии первозданного райского бытия.

При этом пробуждение Адама как событие уже не сновидческого нарратива, а повествования о Первочеловеке в его тварной чистоте демонстрирует смысловую амбивалентность. В гумилевской мифопоэтике, в целом утверждающей витальную активность «я», «человек может оставаться неподвижным, а мир в это время – вращаться вокруг него, подобно сценическому кругу» [Смелова 2004, 57]. Сновидение Адама, в котором «точка сознания» героя сохраняет свою телесно-эмпирическую и хронотопическую укорененность в Эдемском существовании, предстает своеобразным вращением истории вокруг антропологического центра. Историческое движение универсума, созерцаемое Адамом, а через него – и нарратором, соотносится с концепцией А. Бергсона, согласно которой в аксиологически постулируемой пространственной точке бытия «все прошлое, настоящее и будущее материальных предметов» может «разом развернуться в пространстве» [Бергсон 1998, 46]. Такое раскрытие времен в едином акте постижения их смыслов определяет «историософскую» интенцию данного «адамического» нарратива.

Адам «возвращается» в первозданность Эдема, в котором нет исторического времени, и потому сон героя мыслится странным наваждением. Это итоговое событие нарратива – пробуждение Адама от его провиденциального сна – является средоточием ценностно-смысловых воззрений Н. Гумилева. Лиминальное преображение Первочеловека определяется тем, что, прозрев историческое бытие человечества вплоть до его трагичных итогов, он оказывается в начальной точке своего онтологического пути. Возвращение Адама к райской яви сопровождается двумя значимыми маркерами. Во-первых, Эдем обретает географическую конкретизацию («Направо – сверкает и пенится Тигр, / Налево – зеленые воды Евфрата»), которая указывает на вматривание героя в эмпирику окружающего его природного мира. Во-вторых, в финале стихотворения не Адам, а Ева оказывается носителем эмоционально-волевого начала («Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»), что маркирует движение Адама к грехопадению, которое станет истоком реального осуществления его «зловещих снов». Оптимистические коннотации финала стихотворения оказываются иллюзорными, и пробуждение Адама становится точкой отсчета уже не сновидческой, а подлинной истории человечества. Соответственно, гумилевский Адам в своем сне подготавливается к тому трудному земному пути, который определен человечеству и который требует мужественно-стоического принятия. Нарративная репрезентация жизни Адама в земном раю и его провиденциального «путешествия» в грядущее человечества постулирует сложность и

неизбывность жизненного самоосуществления «я», обреченного на вечный поиск конвергенции микрокосма и макрокосма.

Итак, нарративная организация стихотворения Н. Гумилева «Сон Адама» демонстрирует соотношение эпической всеохватности исторического бытия человека и лирической погруженности субъекта в антиномичность земного существования. Помещая в центр повествования библейского Адама и репрезентируя его в двух событийных рядах – яви и сновидения, нарратор рассказывает о земном пути человечества в координатах мировой истории – от изгнания Первочеловека из рая до губительного конца мира. Провиденциальный сон героя, еще пребывающего в гармонии с Богом и первозданной природой, выстраивается как нарратив о грядущем, в котором событийность определяется не конкретикой исторических свершений, а углублением человека в онтологические противоречия микрокосма и макрокосма. «Визионерское» постижение Адамом будущего страдальческого удела концептуализирует историософские представления Н. Гумилева: смыслом исторического пути человечества поэту видится волевое утверждение «я» в универсуме и поиск возможностей преобразования земного бытия. Адам в своем сновидении терпит исторический крах, не обретая конвергентного единства человека и мира, однако сновидчески проживаемая им «история будущего» мыслится опытом стоического принятия результата и перспектив грехопадения.

«Провиденциальный» нарратив в «Сне Адама» эксплицирует лиминальный вариант кумулятивной интриги и потому превращается в повествование о мировой инициации человечества, явленного фигурой его библейского прародителя. Обособление Адама от Бога, искушение земным бытием, испытание его губительным итогом и преображение как обретение экзистенциального опыта, являясь ключевыми событийными узлами повествования, с одной стороны, очерчивают бытийный маршрут человечества в истории, с другой – суммируют ключевые сюжетные ситуации лирики Н. Гумилева. Ценностное единство Адама и гумилевского лирического героя, в котором первый содержит «ген» второго, а второй сознает себя продолжением первого, свидетельствуют о концептуальном характере нарративной организации данного текста. Нарратив в поэтике стихотворения «Сон Адама» утверждает понимание Н. Гумилевым «адамизма» как мифопоэтической инициации человека в предельных масштабах универсума и его исторического движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баршт К.А. О трех уровнях событийности // Событие и событийность. М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. С. 58–80.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 384 с.
3. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 112–114.
4. Бройтман С.Н. Неканоническая поэма в свете исторической поэтики // Поэтика русской литературы: Сборник статей к 70-летию проф. Ю.В. Манна. М.: РГГУ, 2001. С. 28–38.
5. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с.
6. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2010. 525 с.
7. Куликова Е.Ю. Сюжетно-мотивные комплексы баллады акмеизма // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31. № 3. С. 551–563.

8. Лукницкий П.Н. *Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Т. 1. 1924–25 гг.* Paris: YMCA-press; М.: Русский Путь, 1991. 347 с.
9. Сафулина Р.М. Притча о человеке Н.С. Гумилева. М.: Университет «Синергия», 2019. 142 с.
10. Смелова М.В. Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева. Тверь: ТГУ, 2004. 126 с.
11. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.
12. Тюпа В.И. *Дискурс / Жанр.* М.: Intrada, 2013. 211 с.
13. Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.
14. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: АСТ, Астрель, 2005. 480 с.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Kulikova E.Yu. Syuzhetno-motivnye komplekсы ballady akmeizma [Plot-motif Complexes of the Ballad of Acmeism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2021, vol. 31, no. 3, pp. 551–563. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Barsht K.A. O trekh urovnyakh sobytynosti [About Three Levels of Eventfulness]. *Sobytie i sobytynost'* [Event and Eventfulness]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy Publ., Intrada Publ., 2010, pp. 58–80. (In Russian).
3. Broytman S.N. Liricheskiy sub'yekt [Lyrical Subject]. Tamarchenko N.D. (ed.). *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 112–114. (In Russian).
4. Broytman S.N. Nekanonicheskaya poema v svete istoricheskoy poetiki [A Non-canonical Poem in the Light of Historical Poetics]. *Poetika russkoy literatury: Sbornik statey k 70-letiyu prof. Yu.V. Manna* [Poetics of Russian Literature: A Collection of Articles for the 70th anniversary of Prof. Yu.V. Mann]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001, pp. 28–38. (In Russian).

(Monographs)

5. Safulina R.M. *Pritcha o cheloveke N.S. Gumileva* [The Parable of N.S. Gumilev's Man]. Moscow, Universitet "Sinergiya" Publ., 2019. 142 p. (In Russian).
6. Smelova M.V. *Ontologicheskie problemy v tvorchestve N.S. Gumileva* [Ontological Problems in The Works by N.S. Gumilev]. Tver', Tver' State University Publ., 2004. 126 p. (In Russian).
7. Tyupa V.I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2021. 270 p. (In Russian).
8. Tyupa V.I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013. 211 p. (In Russian).
9. Fedunina O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy trety XX v. v kontekste traditsii)* [The Poetics of Sleep (Russian Novel of the First Third of the 20th Century in the Context of Tradition)]. Moscow, Intrada Publ., 2013. 196 p. (In Russian).

Чевтаев Аркадий Александрович,

Российский государственный гидрометеорологический университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного.

Научные интересы: теория лирики, нарратология, символизм и постсимволизм, поэтика творчества Н. Гумилева, М. Зенкевича, А. Ладинского, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Бродского, цифровая текстология.

E-mail: achevtaev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6844-8560

Arkady A. Chevtaev,

Russian State Hydrometeorological University.

Candidate of Philology, Associate professor at the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language.

Research interests: theory of lyrics, narratology, postsymbolism and post-symbolism, poetics of work of N. Gumilev, M. Zenkevich, A. Ladinsky, A. Akhmatova, O. Mandelstam, B. Pasternak, J. Brodsky, digital textology.

E-mail: achevtaev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6844-8560